

Первые философы Японии в «Собрании стародавних повестей»*

Н.Н. Трубникова

Журнал «Вопросы философии» РАН;

Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС;

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-23-45

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассмотрены рассказы о начале японского буддизма из 11-го свитка «Собрания стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю», начало XII в.). Особое внимание уделено историям о Сайтё (767–822) и Кукае (774–835), основателях школ Тэндай и Сингон, мыслителях, в чьих трудах выстроены две версии учения о буддийском обряде, нацеленном на «защиту страны», на «пользу и выгоду в здешнем мире». Из привычных западному читателю составных частей историй о философах – «жизнь, учение и изречения», по Диогену Лаэртскому, – в этих рассказах преобладает первый, краткие сведения о взглядах знаменитых наставников в «Кондзяку» встроены в повествование об их практической деятельности. Цели этой деятельности здесь – во-первых, перенять в Китае и укоренить в Японии китайские традиции подвижничества, восходящие к индийским образцам; во-вторых, обустроить для японских монахов обители, лучше всего подходящие для служения стране и ее обитателям. Предания о Сайтё и Кукае в «Кондзяку» встроены в контекст повествования о монахах, побывавших на материке в поисках «Закона Будды», и о строителях храмов; именно этот контекст позволяет понять принцип отбора сведений о каждом из мудрецов в рассказах «Кондзяку». Общее в этих рассказах – темы чудесного рождения и ранних успехов в учебе; во многих рассказах также звучит тема умиротворения «родных богов» *ками* или договора с ними. Для преданий о Кукае и Сайтё также важны темы подвижничества через одно из искусств (каллиграфия, скульптура) и обособления школы внутри буддийской общины: проповедуя просветление для всех, «тайные» школы, по замыслу их основателей, следуют каждой своему особому пути подвижничества.

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 18-011-00558 ««Собрание стародавних повестей»» («Кондзяку моногатари-сю») в истории японской религиозно-философской мысли.

Ключевые слова: японская философия, буддизм в Японии, синто, рассказы сэцува, «Кондзяку моногатари-сю», Сайтё, Кукай.

Трубникова Надежда Николаевна – доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

trubnikovann@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6784-1793>

Цитирование: Трубникова Н.Н. (2018) Первые философы Японии в «Собрании стародавних повестей» // Философские науки. 2018. № 8. С. 23–45.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-23-45

Early Japanese Philosophers in *Konjaku monogatari shū**

N.N. Trubnikova

Voprosy Filosofii Journal;

School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA);

Institute of Asian and African Studies, Moscow State University,

Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-23-45

Original research paper

Summary

The paper deals with the tales on the origins of Japanese Buddhism from the 11th scroll of the *Konjaku monogatari shū* (early 12th century). Particular attention is paid to the stories about Saichō (767–822) and Kūkai (774–835), the founders of the Tendai and Shingon schools, thinkers, whose writings have built two versions of the doctrine of the Buddhist ritual aimed at “state protection” and “benefits in this world.” From the elements familiar to the Western reader – “lives, opinions and sayings,” according to Laertius, – in these stories the first one dominates. Brief information about the doctrines of the famous teachers in *Konjaku* is embedded in the narrative about their practical activities. The objectives of this activity are, firstly, to adopt

* The paper is funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-011-00558: “*Konjaku monogatari shū* in the history of Japanese religious philosophy.”

in China and root in Japan the Chinese traditions of Buddhist practice, which go back to the Indian models; secondly, to arrange monasteries and monastic orders best suited to serve the country and its inhabitants. The legends about Saichō and Kūkai in *Konjaku* are placed in context of the narratives about the builders of temples and about the monks who visited the mainland in search of Buddha's Teaching. This context helps to understand the principle of selecting (pseudo)biographical details for each of the sages in *Konjaku*. The themes of a wonderful birth and early learning successes are common in these stories; the theme of appeasement of *kami* deities or the treaty with them also sounds in many of these stories. In the legends about Kukai and Saichō, the themes of the arts in its Buddhist meaning (calligraphy, sculpture) and the separation of the school within the Buddhist community are also important: according to the plan of their founders, the "secret" schools, preaching enlightenment for all, follow their own special path of practice.

Keywords: Japanese Philosophy, Buddhism in Japan, Shintō, setsuwa tales, "Konjaku monogatari shū", Saichō, Kūkai.

Nadezhda Trubnikova – D.Sc. in Philosophy, Deputy Chief Redactor, *Voprosy Filosofii* Journal; Leading Research Fellow, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА); Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

trubnikovann@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6784-1793>

Citation: Trubnikova N.N. (2018) Early Japanese Philosophers in "Konjaku monogatari shū." *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 8, pp. 23–45.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-23-45

Введение

Рассказы о жизни знаменитых мудрецов в Японии не менее любимы, чем в Китае или на Западе. Помимо исторических сочинений и жизнеописаний такие рассказы нередко входят в сборники поучительных историй *сэцува*, в том числе – в «*Кондзяку моногатари-сю*» [Кондзяку 1993–1999; Кондзяку 2014–2018 web; Коняку 2015]. Этот самый крупный свод *сэцува* (больше тысячи рассказов) содержит предания о Будде и его учениках, о Конфуции и других мыслителях Китая, о замечательных людях и событиях в Японии. Я хотела бы обсудить, какими предстают в «*Кондзяку*» Сайтё и Кукай – буддийские наставники VIII–IX вв., с чьих трудов в наши дни обычно начинают историю японской философской мысли.

О Сайтё и особенно о Кукае опубликовано множество работ на западных языках [Abe 1995, Abe 1999; Groner 1984; Hakeda 1972; Кукай 1999; Кукай 2005]. Но рассказы *эцува* об этих мыслителях почти никто подробно не рассматривал. Исключение составляют публикации [Casal 1959] и [Anderson 1969]. Об исторической достоверности таких рассказов, конечно, говорить не приходится, но по ним можно судить, какие образы двух наставников закрепились в популярной буддийской традиции.

Всего в собрании тридцать один свиток, из них три утрачены. Расположены они по странам и эпохам: Индии соответствует глубокая древность, Китаю – далекая старина, Японии – недавнее прошлое. Японская часть собрания открывается преданиями о первых выдающихся монахах и первых храмах (свиток 11-й). Последовательно описать становление японской буддийской общины рассказчики не пытаются, скорее, их цель – показать, что в их стране созрели условия для усвоения учения Будды. Связность повествования создают мотивы, переходящие из одного рассказа в другой [Свиридов 1981]. Тем самым наглядно показана всеобщая связь событий в мире: причинно-следственные закономерности вовлекают людей в нескончаемый круговорот страстей и страданий, но эти же закономерности позволяют и освободиться, обрести земное счастье и просветление в будущем веке. Прямых наставлений здесь почти нет, чаще точка зрения повествователей выражается лишь подбором историй и их расстановкой. Это отвечает не только принятому в буддизме обучению через «уловки» [Лысенко 2011], но и установке на косвенную назидательность, свойственной дальневосточной традиции в целом [Жюльен 2001]. Я рассмотрю не только рассказы о Сайтё и Кукае, но и соседние, задающие контекст.

Японские ученики, превзошедшие китайских учителей

Первым в 11-м свитке «*Кондзяку*» идет рассказ о царевиче Сётоку-тайси (574–622). Летописцы именно ему приписывают начало переустройства японского государства по материковым образцам: введение системы чинов и рангов, запись законов и т.д. [Мещеряков 1988, 21–44; Сото 2008; Трубникова, Бабкова 2014, 483–486]. Сётоку, по преданиям, впервые провел при дворе чтения буддийских книг [Трубникова 2007] и основал несколько храмов. В «*Кондзяку*» царевич предстает как «святой мудрец», земное воплощение милосердного спасителя мира – бодхисаттвы

Авалокитешвары (яп. Каннон). Впервые встречаясь, царевич и его учителя беседуют, будто давние знакомые, ибо вспоминают свои связи из прежних жизней. Царевич в бою побеждает противников принятия буддизма, на чудесном коне облетает Японию, а во сне чудом перемещается в Китай, в храм, где жил в прошлом рождении, и забирает оттуда одну из книг.

Герои следующих десяти рассказов – девять монахов и чудотворец, известный как Мирянин Эн; обычно в сочинениях по истории японского буддизма именно этих людей называют в числе его основателей [Игнатович 1987; Родин 2014]. Праведному Гёки (668–749) первому удалось повести за собою по пути Будды жителей страны – не как правителю, а как проповеднику (11–2). Как и Сётоку, Гёки помнит свои прошлые жизни, но для него встреча с прежним знакомцем оказывается нерадостной: юный Гёки запросто здоровается с почтенным монахом, тот надолго обижается, и лишь много лет спустя примиряется с ним. Подвижник Эн силою чудес подчиняет богов *ками* (11–3) и подобно Сётоку, чудом перемещается по разным землям (11–3, 11–4). И Гёки, и Эна враги несправедливо обвиняют как смутьянов, но эти враги уже сами буддисты, и праведники не сражаются с ними, а убеждают словами и делами.

В рассказе 11–4 монах Досё (629–700) отправляется учиться в Китай, к Сюань-цзану (ок. 600–664), доставившему из Индии множество буддийских книг и переведшему их на китайский. Другие ученики Сюань-цзана удивляются, зачем тот взялся обучать иноземца из «маленькой страны»; учитель советует им ночью понаблюдать за японцем, и монахи видят, как Досё читает сутру и из уст его исходит свет. В рассказе 11–5 монаху Дзинъёу (ум. 737) книга, найденная в Японии, заменяет учебу у китайских наставников. Государь устраивает диспут между Дзинъэем и монахом Додзи (ум. 744), прошедшим обучение в Китае, и Дзинъэй побеждает. Для рассказчиков важно, что все надобное для обучения можно найти в Японии; это не отменяет поездок на учебу за море, но объясняет, почему такие поездки были не напрасны. Правда, в рассказе 11–6 монах Гэмбо (ум. 746) по возвращении из Китая становится ближним советником государя, а по слухам, еще и любовником государыни. Все это подталкивает одного из сановников к мятежу, и примечательно, что у мятежника есть чудо-конь, подобный коню царевича Сётоку. Мятежник гибнет, после смерти становится «гневым духом» и все-таки убивает Гэмбо.

В рассказе 11–7 индиец Бодхисена (704–760) устанавливает связь между буддийскими общинами Индии и Японии, снова чудом узнавая старого товарища в японце Гёки, которого впервые видит, прибыв на острова. Затем китаец Цзянь-чжэнь (688–763) завязывает связи между общинами всех трех стран, учреждая правильные монашеские посвящения (11–8).

Далее следует рассказ о Кукае, он же Великий учитель Кобо.

11–9. Рассказ о том, как Великий учитель Кобо побывал в стране Тан и вернулся, приняв для передачи учение Сингон.

В стародавние времена жил святой мудрец, звали его Великим учителем Кобо. По мирскому счету происходил он из рода Саэки, родился у берегов залива Бёбуноура, что в уезде Тадо в краю Сануки [на острове Сикоку].

Началось все с того, что его матери, женщине из рода Ато, во сне явился мудрец, вошел в ее чрево, и она забеременела и родила.

Когда мальчику было пять или шесть лет, он изваял из глины образ будды, из травы и веток построил подобие храмового зала. А еще мальчик видел во сне, как на цветке лотоса с восемью лепестками восседают будды и разговаривают с ним. Но об этом сновидении он не рассказывал даже отцу и матери, и уж точно не говорил другим людям. Родители ценили и почитали мальчика безмерно.

А еще были люди, кто видел, как за этим мальчиком всегда следуют четверо знатных отроков. Потому соседи говорили: это божественное дитя!

Вещий сон снится и матери царевича Сётоку в рассказе 11–1; о ранней одаренности мудреца также говорится в предшествующих историях. В рассказе 11–9 далее сказано, как дядя мальчика, придворный ученый, посоветовал ему изучать мирские книги; в 788 г. отрок прибыл в столицу и под руководством знатока словесности освоил «Книгу песен», толкования Цзо Цю-мина к «Вёснам и осеням» Конфуция и «Книгу летописей» (кит. «Ши-цзин», «Цзо-чжуань» и «Шу-цзин»).

При этом отрок тянулся к Пути Будды и постепенно укрепился в решимости уйти от мира. И как раз тогда он встретил человека по имени Гондзо [754–827], общинного старейшину из храма Дайандзи, принял и усвоил правила вопрошания бодхисаттвы Акашагарбхи, и молился, памятуя о нем, сосредоточив все помыслы.

А когда юноше исполнилось восемнадцать, он про себя решил: прежде я изучал мирские книги – в них нет никакой пользы. Проживешь свой век, и от них останется только пустота. Буду же отныне изучать только Путь Будды! И стал странствовать там и тут, предаваться суровому подвижничеству. Однажды он в краю Ава поднялся на гору Дайрю, исполнил там обряд Акашагарбхи, и большой меч прилетел к нему из пустоты. А в другой раз в краю Тоса на мысу Мурото молился, вопрошая бодхисаттву, и ясная звезда влетела ему в рот. А еще он в краю Идзу в горном храме Кацурадани один, обратившись к Акашагарбхе, [читал] главу «Деяния демонов» из «Большой сутры о запредельной премудрости».

Бодхисаттва Акашагарбха (яп. Кокудзо), почитается как помощник в ученье; в рассказе 11–5 Дзинъэй также почитает его (а в рассказе 17–33 Акашагарбха является молодому монаху в обличье красавицы и побуждает учиться, тот влюбляется и в итоге становится выдающимся книжником). «Большая сутра...» (санскр. *«Маха-праджня-парамита-сутра»*) – одна из самых крупных в китайском буддийском каноне (600 свитков); в ней в главах о «деяниях демонов» разобраны дела, мешающие освобождению. В рассказе 11–9 ниже сказано, как Гондзо дал ученику посвящение, и в 795 г. тот стал монахом и получил имя Кукай.

Прошло время, и вот он рассуждает сам с собою: я [изучил] внешние [мирские] книги, видел внутренние [монашеские] наставления, но сердце мое полно сомнений. А раз так, я перед буддой произнесу слова клятвы. Хочу знать, какое учение позволяет стать буддой сразу, прямо сейчас! Только этого я хочу. О будды трех времен и десяти сторон [прошлого, настоящего и будущего, восьми сторон света, верха и низа], укажите мне то учение, что не имеет себе равных!

И тогда во сне некий человек явился ему и молвил:

– Есть такая сутра. Она зовется «Сутрой о Великом Вайрочане». Это именно то, что тебе нужно.

Проснувшись, Кукай возрадовался в сердце своем и отправился искать ту сутру, о которой слышал во сне. И вот, в краю Ямато, в уезде Такэти, в храме Кумэ [об этом храме ниже] в основании Восточной пагоды он нашел эту сутру. С радостью открыл ее, смотрит – а понять трудно! И никого нет в нашей державе, кто понимал бы ее. Отправлюсь в [страну] Тан и освою это учение! – решил Кукай.

О храме Кумэ говорится ниже в рассказе 11–24. Как и Дзинъэй, Кукай находит нужную ему книгу в Японии. «Сутра о великом Вайрочане» (санскр. «*Махавайрочана-сутра*») содержит учение о мире, взятом с точки зрения Будды: о том единстве, в котором все многообразные изменчивые явления выстраиваются в систему как составные части просветленного созерцания. Это учение лежит в основе «тайнств» – наставлений, объясняющих смысл и правила буддийского обряда. Хотя в Японии «тайнства» и были известны ранее, их правильную передачу из Китая связывают с именем Кукая.

Здесь и ниже Китай именуется «Тан», по названию правившей тогда династии. В составе посольства во главе с Фудзивара-но Кадономаро (755–818) Кукай в 804 г. прибывает в танскую столицу. Он встречается с японцем Эйтю (743–816), проводшим в Китае много лет, в затем приходит в храм Цинлунсы к наставнику «тайного учения», китайцу Хуэй-го (746–805), главе школы Чжэньян (яп. Сингон).

Учитель, увидев Кукая, улыбнулся и с радостью молвил:

– Я давно знал, что ты придешь. Долго же мы ждали друг друга! И вот сегодня нам довелось увидеться. Это счастье! У меня нет ученика, кому я мог бы вручить наставления Закона. Тебе я передам их все!

И тут же приготовил цветы и благовония и впервые ввел Кукай на помост для окропления головы.

Итак, он совершил то окропление головы, что полагается при начале обучения, Кукай бросил цветок в двойную мандалу Великих первоначал – и попал в срединного почитаемого. Наставник, видя это, восхвалял его и радовался без конца.

Потом Кукай принял то окропление головы, что дает право быть наставником и передавать учение. Тогда созвали пять сотен монахов и устроили постную трапезу. Монахи из двух храмов, Цинлунсы и Дасинсы, с верою вкушали постную пищу, возносили хвалы и радовались. А потом наставник, Хуэй-го, передал японскому наставнику Кукаю тайное учение – подобно тому как воду переливают из сосуда в сосуд. А еще он созвал всех живописцев, переписчиков, резчиков и прочих мастеров и велел им [изготовить] мандалу. А Кукаю сказал:

– Я уже вручил тебе Закон. Теперь [тайное учение] разольется в поднебесной, и счастье живых существ возрастет.

При «тайном» посвящении («окроплении головы», *кандзё*; санскр. *абхишека*) ученик бросает цветок в мандалу – картину, где будда Вайрочана изображен в окружении других будд, бодхисаттв и богов; тем самым определяется, кто из них станет покровителем этого ученика. Такая мандала рисуется двумя способами (*рё:бу*), где набор и расположение персонажей разные; эти два способа соотносятся с Жезлом и Чревом, мужским и женским началами, волей будды и его мудростью. Мандала может заполняться «чело-векоподобными» изображениями будд и прочих существ (такова «Мандала Великих первоначал»), их символами (цветы, мечи и др.) либо санскритскими знаками их имен. Бросив цветок, Кукай попал в самую середину мандалы, в изображение Вайрочаны.

В ту пору жил человек по имени Шунь-сяо, ученик Хуэй-го, один из десяти придворных учителей созерцания. И еще там был монах из храма Юйтансы по имени Чжэнь-хэ. Он встречался с Шунь-сяо и говорил:

– Японский монах-*шрамана* – весьма достойный странник, но он не из нашей общины. Так почему из всех учений, какие у нас преподают, ему вручены именно тайные наставления?!

И дважды, и трижды бранился так. Тогда во сне ему явился некий человек и молвил:

– Японский *шрамана* – бодхисаттва третьей ступени. Внутренне он полон помыслами Великой Колесницы, вовне же являет образ монаха из малой страны.

И Чжэнь-хэ сам увидел, что был неправ, а утром пошел и покался.

Как и в рассказе 11–4, здесь китайский наставник признает выдающиеся способности японца. О монахе Чжэнь-хэ ничего не известно, а Шунь-сяо был учителем «тайнств» для Сайтё (рассказ 11–10). Здесь он назван учеником Хуэй-го, а выше Хуэй-го говорит, что до Кукай не встречал никого, кому доверил бы все «тайнства»; отсюда следует, что Сайтё в Китае не мог освоить «тайнства» так хорошо, как Кукай. Судя по сохранившейся переписке Сайтё и Кукай, сам Сайтё так и считал и просил у Кукай наставлений. Позже о старшинстве учителей, а значит, и о правомочности передачи «тайнств», школы Тэндай и Сингон много спорили.

А еще в тамошней столице была надпись на стене в три *кэн* [около 5,5 м]; она осыпалась от ветхости, и не было никого, кто мог бы кистью обновить письмена. Государь повелел,

чтобы японский наставник переписал эту надпись. Кукай взял кисти и переписал ее в пяти местах пятью способами сразу: держа кисти ртом, обеими руками и обеими ногами. Государь, видя такое, был тронут и восхвалял его. А в другой раз наставник сделал вот как: разбавил тушь, окрасил ею стену на одном из пролетов, и на ней сам собою проступил знак «дерево». Государь [склонил] голову, дал Кукаю имя «наставник с пятью кистями» и пожаловал ему четки из семян дерева бодхи.

А как-то раз японский наставник гулял по столице, любовался, подошел к берегу реки – и вдруг навстречу ему отрок, одетый в лохмотья. Волосы не чесаны, спутаны, будто полынь. Он спрашивает наставника:

– Это ты японский наставник с пятью кистями?

Тот отвечает: да, я. Отрок говорит:

– Тогда напиши знаки вот тут, на речной воде!

Наставник последовал его словам и написал на воде стихи: величание чистому потоку. И письмена не растеклись, поплыли вниз по течению. Отрок глядит на это, смеется, вид довольный. А потом говорит:

– Я тоже напишу, а ты, наставник, смотри!

И тут же вывел на воде знак «дракон», но справа одну точку не дописал. Знак не плывет, остается на месте. Тогда отрок дописал точку, засиял свет, раздался рев, знак обернулся царем-драконом — и улетел в небо!

Этот отрок был Манджушри, а лохмотья его были драгоценным убором. Тут он исчез.

Спутанные волосы отрока (не обритые по-монашески и не причесанные по-мирскому), вероятно, указывают на то, что он – человек с самого дна общества. Как и подобает достойному монаху, Кукай равно охотно общается и с императором, и с нищим. Бодхисаттва Манджушри почитается как заступник всех, кто ищет мудрости; в облике «неприкасаемого» он появляется во многих японских источниках; воплощением Манджушри также считался монах Гёки [Трубникова, Бабкова 2014, 94–98].

В день, когда наставник отправлялся в обратный путь, он молился, стоя на высоком берегу:

– Учение таинств, что я принял и усвоил, пусть сохранится в нашей стране до прихода [будущего будды] Майтрейи, и до кого оно дотечет, пусть принимают его, как должно! Пусть вот это там и упадет!

И выпустил из рук жезл с тремя лепестками, обратив его в сторону Японии. Жезл полетел вдаль и скрылся в облаках.

Жезлы (санскр. *ваджра*) с разным числом лепестков применяются при «тайных» обрядах. О том, как Кукай нашел свой жезл в Японии, говорится ниже в рассказе 11–25.

А потом, во втором году Дайдо [807 г.] в двадцать второй день десятого месяца Кукай невредимым вернулся домой. Сначала он в краю Тиндзэй вручил чиновнику Западной ставки, Такасиано Тоонари [757–818], все привезенные [книги], и государь повелел распространить их в поднебесной. Несколько раз по велению государя [Кукай совершал обряды и получал] подношения несравненные.

Пусть на каждых воротах нашей столицы с южной стороны он сделает надписи! – велел государь, и Кукай сделал надписи для внешних ворот. А когда подняли надпись на ворота Отклика Неба, Отэммон, Кукай взглянул и заметил, что пропустил первую точку в знаке «отклик». Он удивился, подбросил кисть вверх и добавил точку. Все люди, кто видел это, хлопали в ладоши и радовались.

Потом, как и задумал с самого начала, он объявил о создании школы Сингон и стал распространять ее учение в мире. Но во всех тогдашних школах были ученые монахи, кто сомневался в толковании слов «стать буддой в нынешнем теле» и спорили. Тогда Великий учитель, чтобы прекратить их сомнения, сел в палатах Чистоты и прохлады [во дворце государя] лицом к югу, сплел пальцы знаком Великого Солнечного будды [Вайрочаны], погрузился в созерцание, и цвет его лица стал золотым, а от тела исходило желтое сияние. Десятки тысяч людей, видя это, склонили головы и почтили его.

Таковы были его чудесные силы. Учение Сингон процветало и распространялось, а Кукай стал монахом-защитником государя Сага [правил в 809–823 гг.] и получил чин общинного главы.

Так учение Сингон распространилось в нашей державе. Позже у общинного главы появились продолжатели, и Сингон ныне процветает и ширится. Так передают этот рассказ.

Рассказ о молодости Кукая в основном соответствует автобиографическому вступлению к его книге «Три учения указывают и направляют» («*Санго: сиики*»); истории о чудесном даре Кукая-каллиграфа входят в более поздние жизнеописания этого наставника. «Стать буддой в нынешнем теле» (а не в будущих

рождениях) – основное положение учения Кукая, его он разъясняет в сочинении 817 г. «Значение слов “Стать буддой в этом теле”» («Сокусин дзэ:буцу-ги»).

К деятельности Кукая в Японии повествователи еще вернутся, а пока переходят к рассказу о Сайтё, он же Великий учитель Дэнгё.

11–10. Рассказ о том, как Великий учитель Дэнгё побывал в Тан и вернулся, привезя с собою учение школы Тэндай

В стародавние времена, в пору правления государя Камму [781–806 гг.], жил святой мудрец, звали его Великим учителем Дэнгё. По мирскому счету – из рода Мицу, уроженец уезда Сига, что в краю Ооми. С детских лет был он сердцем мудр, а когда ему исполнилось семь, ум его уже был ясен, все вещи он вполне понимал. Отец и мать радовались этому.

В 12 лет он обрил голову и стал монахом. Вначале взошел на ту гору, что ныне зовется горой Хиэй, и построил себе травяную хижину. Следовал Путем Будды, и однажды среди пепла благовоний и масла ему явились угли от костра Будды. Видя их, он возрадовался. И задумался: куда же мне поместить эти угли, чтобы совершить перед ними обряд? Тут же из пепла появился золотой сосуд для цветов. Дэнгё сложил угли в этот сосуд и днем и ночью с почтением поклонялся им без конца.

И тогда в сердце своем он подумал: построю здесь обитель и буду распространять учение школы Тэндай!

Угли от похоронного костра Будды (санскр. *шарира*) уже упоминались в рассказе 11–1, где царевич Сётоку поместил их в пагоду одного из основанных им храмов. Появление *шарира* в какой-либо стране, по буддийским преданиям, подтверждает то, что эта страна приняла Закон Будды.

В двадцать третьем году Энряку [804 г.] он отправился в Тан. Сначала поднялся на гору Тяньтай, встретился с наставником по имени Дао-суй, освоил и принял для передачи книги Закона школы Тяньтай. А еще он побывал у наставника по имени Шунь-сяо и принял для передачи учение школы Чжэньянь, усвоил от учителя явные и тайные наставления подобно тому, как вода переливается из сосуда в сосуд. В ту пору объявился человек по имени Син-мань из храма Фолунсы, увидел японского монаха-шраману и говорит:

– В прежние годы, как я слышал, Великий учитель Чжи-чжэ оставил вот какое предсказание: «Пройдет двести с лишним лет после моей смерти, и из страны, что к востоку отсюда, придет монах, чтобы принять и распространить по миру наш Закон». Так он предсказал. Ныне, думается мне, вот он, этот человек. [...] Приняв для передачи книги Закона, он вернется к себе на родину и там их распространит.

[...]. И подобно тому как вода переливается из сосуда в сосуд, [Дэнгё принял от него наставления].

Дао-суй в начале IX в. возглавлял школу Тяньтай, где почитают «Лотосовую сутру», она же «Сутра о Цветке Закона». Первым японским почитателем и толкователем этой сутры считается царевич Сётоку. Чжи-чжэ, он же Чжи-и (538–597), – основоположник учения Тяньтай (яп. Тэндай). Отметим, что на горе Тяньтай японец встречает радушный прием, никто из китайских монахов не сомневается, нужно ли его обучать.

А еще раньше, перед отплытием в Тан, Дэнгё побывал в паломничестве в святилище Уса [на острове Кюсю] и там молился: пусть в пути на море не будет опасностей! Помоги мне спокойно добраться! И вот, как и хотел, он добрался в ту страну, усвоил и принял книги Закона школы Тяньтай, а в двадцать четвертом году Энряку [805 г.] вернулся в нашу державу. Чтобы выразить свою благодарность, он сразу отправился на поклонение в святилище Уса, почтительно поклонился святыне и устроил чтения «Сутры о Цветке Закона». И сказал так:

– Я, как и хотел, побывал в Тан, усвоил и принял книги Закона школы Тяньтай и вернулся домой. Теперь я обустрою гору Хиэй, приглашу многих монахов поселиться там, положу начало школе Единой Колесницы – такой, что одна, а второй нет! – дам понять, что значат слова «кто имеет чувства и кто их не имеет, все станут буддами», распространю это учение по всем краям. А что до будд, то я изготовлю образ будды Наставника-Врачевателя и покажу, что он исцеляет недуги всех живых существ. Но, поистине, исполнить эти обеты я смогу только под твоей защитой, о Великий бодхисаттва!

И тут из святилища раздался чудесный голос. Он вещал:

– То, чего ты желаешь, о мудрец, весьма ценно. Скорее же исполни эти обеты! Я дам тебе защиту. Надень же это платье, когда будешь ваять образ Наставника-Врачевателя!

И что-то подал из святилища. Дэнгё взял, смотрит – а это одежда *косодэ* из шелка [...], багряного цвета, шитая танским

узором. Получив такой дар, Дэнгё поклонился и ушел. А потом, когда добрался к себе и стал обустраивать гору Хиэй, то надевал эту чистую одежду и сам ваял образ Наставника-Врачевателя.

Еще он побывал в паломничестве в святилище Касуга и устроил чтения «Сутры о Цветке Закона» для богов. Над вершиной горы встали багряные облака и покрыли сад, где шло толкование сутры.

Итак, как и хотел, он привез из-за моря учение школы Тяньтай и положил начало его распространению в наших краях. Потом у Дэнгё появились продолжатели. По всей стране изучают его наставления, и школа Тэндай процветает и поныне, – так передают этот рассказ.

В святилище Уса почитают бога Хатимана, покровителя кузнецов и литейщиков, а также защитника японского государства. В дар от него Сайтё получает *косоде*, распашную одежду с «небольшими» рукавами. Наставник-Врачеватель (санскр. Бхайшаджьягуру) – один из будд, соотносится с востоком. Касуга близ города Нара – родовое святилище Фудзивара, где почитают богов-предков этой семьи, ставшей к X в. вторым правящим родом (из нее происходили регенты и канцлеры, фактически руководившие делами в стране).

Обозначение Тэндай как «школы Единой Колесницы – такой, что одна, а второй нет» отсылает к учению «Лotosовой сутры», преодолевающему различия между хинаяной и махаяной, подвижничеством для себя и для других, установки на постепенное совершенствование или на просветление «в нынешнем теле». «Кто имеет чувства и кто их не имеет, все станут буддами» – основное положение учения Тяньтай, согласно ему буддой может стать каждый, в том числе и те, кого обычно считают «неодушевленными» (травы, деревья и т.д.). Если суть учений Сингон (Чжэньянь) и Тэндай (Тяньтай) сформулировать так, как это сделано в рассказах 11–9 и 11–10, получается, что они говорят об одном и том же: об освобождении для всех, возможном здесь и сейчас, а не в будущей жизни.

Следующие два рассказа посвящены ученику Сайтё Эннину (794–864) и ученику Эннина Энтину (814–891). Оба эти монаха школы Тэндай отправляются в Тан за «явными и тайными наставлениями», причем Эннин странствует по Китаю в пору гонений на буддизм. Если Сайтё работает как ваятель, то Эннин изображает будду собственным телом, прядась в храме среди

Н.Н. ТРУБНИКОВА. Первые философы Японии в «Собрании стародавних повестей»
изваяний. Тем самым он наглядно доказывает, что буддой можно стать в нынешней жизни в буквальном смысле: сделаться неотличимым от статуй будд. Далее Эннин попадает в усадьбу злодеев, которые красят ткани человеческой кровью, и будда Наставник-Врачеватель помогает ему выбраться. В рассказе 11–12 Энтин, внучатый племянник Кукая, в юности тоже изучает мирские книги, но учителя себе находит среди последователей Сайтё. Затем Энтин по дороге в Китай попадает в страну людоедов. Так в рассказах 11-го свитка «*Кондзяку*» дорожные опасности постепенно нарастают, а польза от учебы выглядит все более сомнительной: Энтин по возвращении становится причиной раздора в японской общине.

Основатели традиций

Предания об основании храмов в 11-м свитке «*Кондзяку*» выстроены не в хронологическом порядке. Сначала описан Тодайдзи, задуманный в середине VIII в. как главный храм Японии (11–13); в пору его строительства в Японии чудом было впервые найдено золото. Затем говорится о Ямасина, он же Кофукудзи, родовом храме семьи Фудзивара, учрежденном еще в VII в. (11–14). Рассказ 11–15 словно бы воспроизводит структуру «*Кондзяку*» в целом: здесь говорится о храме Гангодзи, который был основан еще в Индии, затем перенесен в Корею, а потом в Японию. Не раз переносили с места на место и храм Дайандзи (11–16), выстроенный по образцу одного из китайских храмов, который, в свою очередь, считался подобием небесной обители будущего будды Майтрейи; к обустройству Дайандзи был причастен монах Додзи из рассказа 11–5. Следующие четыре рассказа сохранились лишь в коротких фрагментах, а за ними следуют истории храма Ситэннодзи, чьим основателем был царевич Сётоку (11–21), и еще одной очень старой обители, пережившей разорение в пору, когда сторонники буддизма в Японии еще не победили его противников (11–22). Также едва не был разрушен храм Кэнкодзи в рассказе 11–23, но его удалось отстоять.

В рассказах 11–21, 11–22, 11–23 говорится, что строительство храмов и вырубка священных деревьев гневит «родных богов» *ками*, что влечет за собой бедствия; получается, что в какой-то мере противники принятия буддизма были правы (о богах, чьи сердца «злы», говорится также в рассказах 11–3 и 11–4). Правда, в рассказе 11–23 речь идет также об обретении чудесного дерева

для статуи будды, а в рассказе 11–24 монах Кумэ сам придает спиленным деревьям чудесные свойства: заставляет бревна летать по воздуху и тем самым помогает строителям города Нара. Напомню, что именно в храме Кумэ, который основал этот отшельник, Кукай находит сутру.

В следующих двух рассказах снова появляются Кукай и Сайтё.

11–25. Рассказ о том, как Великий учитель Кобо начал обустривать гору Коя

В стародавние времена Великий учитель Кобо начал повсюду распространять учение Сингон, год за годом постепенно старился, препоручил множеству учеников храмы во многих местах, а потом подумал: поищу место, куда упал тройной жезл, когда я его метнул, будучи в Тан. И в год, называемый седьмым годом Конин [816 г.], в шестом месяце покинул государеву столицу и пошел искать, дошел до уезда Ути в краю Ямато и повстречал охотника.

На вид охотник вот каков: лицо красное, рост восемь сяку [около 2,5 м], одет в зеленое платье *косодэ*. Широки кости, мышцы крепкие. При себе у него лук и стрелы. С ним две черные собаки, большая и маленькая. Увидев Великого учителя, охотник, проходя мимо, спрашивает:

– Куда ты идешь, странник?

– Когда я был в Тан, – отвечает Великий учитель, – я метнул тройной жезл и поклялся: пусть он упадет возле чудесной пещеры для сосредоточения-созерцания. Сейчас я хожу, ищу то место.

Охотник сказал:

– Я псарь с Южной горы. Я знаю то место. Сейчас же могу указать его тебе.

Отпустил собак и выслал вперед, собаки побежали.

Великий учитель вслед за ними отправился к пределам края Кии и остановился на ночлег близ реки Оокава. Там он встретил одного горца. Великий учитель его расспросил о своем деле, и тот ответил:

– К югу отсюда есть озеро Хирахара. Это там.

Наутро горец пошел вместе с Великим учителем и тайно рассказал ему:

– Я царь здешних гор. Теперь я передам тебе эту священную землю.

Они углубились в горы и прошли примерно сто *тё* [около 10 км]. А там среди гор впадина, ровная, как чаша, а вокруг высятся восемь вершин. Кипарисовики *хиноки* несказанно огромны и

растут рядами, словно бамбук. И в одном из деревьев большое дупло. А в том дупле торчит тройной жезл. Видя это, Великий учитель обрадовался и тронут был безмерно. Вот чудесные горы для сосредоточения-созерцания! – понял он. И спрашивает:

– Кто ты, горец?

– Меня зовут светлым богом Животворной киновари. И я же тот, кто пребывает в палатах Аmano, Небесных полей. А что до пса, то его зовут светлым богом Высоких полей, – и исчез.

Здесь божества *ками* уже не враждебны Закону, а готовы его защищать. Бог Животворной киновари, Ниу-мёдзин (он же Нибу, Нибуцу) чаще предстает не как старик, а как прекрасная женщина, мать либо госпожа бога-охотника. Бог Высоких полей, Такано-но мёдзин, в других источниках именуется светлым богом Охотничьих угодий, Кариба-мё:дзин. Восемь вершин горы соответствуют лепесткам лотоса, на котором восседают будда Вайрочана и его спутники, деревья вокруг – местам для других будд, бодхисаттв и богов, и в целом гора предстает как нерукотворная мандала.

Ниже говорится о том, как Кукай препоручил ученикам те храмы, в которых начальствовал, переселился на гору Коя и там в пещере возле храма Конгобудзи в 835 г. «сел, скрестив ноги, соединил ладони знаком сосредоточения и вошел в глубокое созерцание». «Знак сосредоточения» – положение рук (санскр. *мудра*), при котором подвижник, сидящий в «позе лотоса», кладет правую руку на левую ступню, а левую руку – на правую ступню, ладони развернуты вверх, пальцы соприкасаются. В такой позе изображают будду Вайрочану на цветке лотоса или будду Амитабху. Тело Кукая, как считалось, должно остаться на горе Коя нетленным до прихода будущего будды Майтрейи.

Затем много лет спустя монах Кангэн, ученик одного из учеников Кукая приходит в пещеру и обнаруживает, что тело основателя школы остается живым. Кангэн бреет ему голову, облачает в новую одежду, перенизывает четки на новую нить, и с этих пор берет начало традиция паломничества на гору Коя. Тем самым в рассказе обосновано почитание горы Коя как места, где можно «завязать связь» с Великим учителем и вместе с ним ждать прихода будущего будды. К учению Кукая рассказчик здесь не возвращается.

Иначе построен рассказ о Сайтё.

11–26. Рассказ о том, как Великий учитель Дэнгё начал обустроить гору Хиэй

В стародавние времена Великий учитель Дэнгё обустроил гору Хиэй и поместил в Исконном срединном зале образ Наставника-Врачевателя, который изготовил сам. Он основал школу Тэндай и распространил наследие Великого учителя Чжи-чжэ, как и задумал.

Позже, в седьмом месяце того года, что звался третьим годом Конин [812 г.], он построил зал для сосредоточения на «Цветке Закона», и чтобы побуждать к чтению [книг] Единой колесницы без перерывов, днем и ночью, учредил двенадцать урочных часов и велел трубить в раковины *хорагаи*. Он зажег светильники перед буддой, и они не гаснут до сих пор.

А еще в год, что звался тринадцатым годом Конин [822 г.], Дэнгё получил разрешение от государя, и так впервые был основан помост для посвящений Великой колесницы.

– В старину в нашу державу были переданы заповеди слушателей голоса и основан храм Тодайдзи. Теперь Великий учитель побывал в Тан, принял для передачи заповеди бодхисаттвы и вернулся на родину. Монахи нашей школы должны принимать эти заповеди. Двое Великих учителей, Нань-юэ и Тянь-тай, приняли эти заповеди бодхисаттвы. А потому на нашей горе воздвигается особый помост для посвящений.

Так он говорил и не отступал от своих слов. В ту пору Великий учитель взмахнул кистью и пустил письмена в полет, написал «Рассуждение, проясняющее заповеди» и преподнес государю. Записи свидетельства там обстоятельно прояснены, и государь дал дозволение построить помост.

С тех пор каждый год весной и осенью устраивают вручение заповедей. Как сказано в «Сутре о сетях Брахмы»: «Кто не примет заповеди бодхисаттвы, не избежит пути скотов. Его надо называть приверженцем внешних путей». «Если монах, дав наставление одному человеку, побудит его принять заповеди бодхисаттвы, то такая заслуга превосходит заслуги от воздвижения восьмидесяти четырех тысяч пагод». А ведь Великий учитель не одного, не двоих, а множество людей, не год, не два, а много лет побуждал переправиться на тот берег – сколь же Велики его заслуги! Люди, кто понимает суть, непременно должны принять эти заповеди.

Далее сказано, что Сайтё учредил на горе Хиэй чтения «Лотосовой сутры» в память о Чжи-и; о том, как в час кончины Сайтё гору Хиэй покрыли чудесные облака; о дальнейшем процветании храма Энрякудзи.

К изнанке того одеяния *косодэ*, что Великий учитель получил в свое время Уса, пристали стружки в пору, когда он вырезал образ Наставника-Врачевателя; ныне оно хранится в собрании книги Исконного зала [в Энрякудзи]. А «Сутра о Цветке Закона», которую переписал Великий учитель, хранится в ларце в молельне Дзэнтаин. Поколение за поколением наставники проходят очищение и поклоняются ей. Кто имел дело с женщиной, хоть недолго, никогда не сможет поклониться той книге.

Обустройство храмов на горе здесь кажется гораздо более будничным делом, чем в рассказе 11–25, здесь почти нет чудес. Но если история горы Коя и школы Сингон при Кукае и его учениках вся уместилась в один рассказ, то история Хиэй и школы Тэндай после Сайтё будет продолжаться в рассказах 11–27 и 11–28.

На горе Хиэй Сайтё строит Исконный срединный зал, первое здание первого храма школы Тэндай; позже храм получает название Энрякудзи. Нань-юэ (515–577) был учителем Чжи-и (Чжи-чжэ). Сайтё начинает обустройство школы с установления распорядка обрядов, основанных на «Лotosовой сутре». «Двенадцать урочных часов» – отрезки по 120 минут, на которые делятся сутки; они ответственны «стражам» в столичном обиходе. *Хорагаи*, раковины моллюска *Charonia tritonis*, в храмах используются как трубы для подачи сигналов.

Вторая главная задача Сайтё – учредить в школе Тэндай особый порядок монашеских посвящений, отличный от того, что ввел Цзянь-чжэнь в храмах города Нара (о чем говорилось в рассказе 11–8). Ученики Тэндай должны принимать не «заповеди слушателей голоса», они же обычные монашеские заповеди, а особые «заповеди бодхисаттв», подходящие и для монахов, и для мирян. Обычные заповеди нацелены прежде всего на совершенствование самого человека, тогда как заповеди бодхисаттв – на заботу о других; по Сайтё, у японцев способности «совершенны», здесь каждый может с самого начала идти путем бодхисаттвы, посвятить себя милосердному подвижничеству.

Сайтё обосновал свой подход в «Рассуждении, проясняющем заповеди» («*Кэнкай-рон*»), опираясь на «Сутру о сетях Брахмы» (санскр. «*Брахмаджала-сутра*»); правда, в рассказе цитируется не она, а китайский комментарий к ней. Вопрос о «помосте для посвящений», *кайдан*, был главным в спорах Сайтё с монахами из храмов города Нара. Самым жестким доводом Сайтё было то, что монах, принимая уставные заповеди, становится приверженцем

Малой колесницы, хинаяны, и только «заповеди бодхисаттвы» соответствуют Великой колеснице, махаяне. Со своей стороны, наставники из Нара считали себя приверженцами махаяны, но исходили из того, что посвящение в монахи требует принятия уставных заповедей, тогда как «заповеди бодхисаттв» служат дополнением к ним. В итоге сразу после смерти Сайтё в 822 г., в дни его поминовения, школа Тэндай получила разрешение основать свой «помост для посвящений» и стала независимой от храмов Нара. Позже за право учредить новый «помост» и тем самым обособиться внутри школы Тэндай боролась община храма Миидэра, что стало причиной ее многовековой распри с храмами горы Хиэй [Трубникова 2006].

За рассказами 11–27 (об Эннине и молельне Рёгон-ин) и 11–28 (об Энтине и храме Миидэра) следует еще десять рассказов, из них три дошли только во фрагментах. В них храмы основывают монахи и миряне, учреждаются традиции паломничества.

Выводы

Каков же в «Кондзяку» поучительный смысл этих историй, помимо просто познавательного (как были основаны школы Сингон и Тэндай, как учреждались традиции паломничества на Коя и Хиэй)? На мой взгляд, его можно сформулировать так: сначала японские наставники завязывают связь с китайской общиной и через нее со всем буддийским миром, затем устанавливают связь между своими школами и обитателями Японии, людьми и богами. Читая или слушая рассказы *сэцува*, человек приобщается к этим связям, а отчасти может примерить и на себя старинные образцы: ведь даже мудрецы и великие подвижники что-то делают «руками» (переписывают тексты, ваяют статуи), и в этом им может подражать каждый. Такие детали, как стружки на одежде или ошибка в надписи, как мне кажется, работают именно на это впечатление. Показательно, что, в отличие от более поздних жизнеописаний, здесь почти нет речи о соперничестве Кукая и Сайтё, скорее, упор делается на то, что два наставника по-разному решают одни и те же задачи. Их школы предлагают разные способы подвижничества, и люди позднейших веков могут выбрать один из них, а могут следовать тому и другому.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Жюльен 2001 – Жюльен Ф. Путь к цели. В обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. – М.: Московский философский фонд, 2001.

Н.Н. ТРУБНИКОВА. Первые философы Японии в «Собрании стародавних повестей»

Игнатович 1987 – *Игнатович А.Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. – М.: Наука, 1987.

Кондзяку 1993–1999 – Кондзяку моногатари-сю [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое большое собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37 / под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. – Токио: Иванами, 1993–1999.

Кондзяку 2014–2018 web – Кондзяку моногатари-сю [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисуто кэнсяку [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы] / под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html

Кукай 1999 – *Кукай*. Избранные труды (с приложением очерка истории развития эзотерического буддизма) / составление, подготовка текста и примечаний, очерк по истории эзотерического буддизма А.Г. Фесюн. – М.: Серебряные нити, 1999.

Лысенко 2011 – *Лысенко В.Г.* Упая каушалъя // Философия буддизма. Энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степаняц. – М.: Восточная литература, 2011. С. 721–724.

Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988.

Родин 2014 – *Родин С.А.* Отношения между личностью и государством в Древней Японии (по материалам жизнеописаний исторической хроники «Сёку нихонги») // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 63–73.

Свиридов 1981 – *Свиридов Г.Г.* Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). – М.: Наука, 1981.

Трубникова 2006 – *Трубникова Н.Н.* Учение о «заповедях бодхисатвы» в японском буддизме школы Тэндай // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 128–147.

Трубникова 2007 – *Трубникова Н.Н.* «Толкования значений трех сутр» и начало буддийской философской мысли в Японии // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 106–117.

Трубникова, Бабкова 2014 – *Трубникова Н.Н., Бабкова М.В.* Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Abe 1995 – *Abe Ryūichi.* Saichō and Kūkai: A Conflict of Interpretations // Japanese Journal of Religious Studies. 1995. Vol. 22. No. 1/2. P. 103–137.

Abe 1999 – *Abe Ryūichi.* The Weaving of the Mantra: Kūkai and the Construction of Esoteric Buddhist Discourse. – N. Y.: Columbia University Press, 1999.

Anderson 1969 – *Anderson S.A.* Legends of Holy Men of Early Japan // Monumenta Serica. 1969. Vol. 28. P. 258–320.

Casal 1959 – *Casal U.A.* The Sainly Kōbō Daishi in Popular Lore (A.D. 774–835) // *Asian Folklore Studies*. 1959. Vol. 18. P. 95–144.

Como 2008 – *Como M.I.* Shotoku: Ethnicity, Ritual, and Violence in the Japanese Buddhist Tradition. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

Groner 1984 – *Groner P.* Saicho: the Establishment of the Japanese Tendai School. – Berkeley: Center for South and Southeast Asian Studies, University of California, 1984.

Hakeda 1972 – *Hakeda Yoshito S.* Kūkai: Major Works Translated, with an Account of his Life and a Study of his Thought. – N. Y.: Columbia University Press, 1972.

Konjaku 2015 – Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari shū by Yoshiko Dykstra. Vols. 1–3. – Honolulu: Kanji Press, 2015.

REFERENCES

Abe R. (1995) Saichō and Kūkai: A Conflict of Interpretations. *Japanese Journal of Religious Studies*. Vol. 22, no. 1/2, pp. 103–137.

Abe R. (1999) *The Weaving of the Mantra: Kūkai and the Construction of Esoteric Buddhist Discourse*. New York: Columbia University Press.

Anderson S.A. (1969) Legends of Holy Men of Early Japan. *Monumenta Serica*. Vol. 28, pp. 258–320.

Casal U.A. (1959) The Sainly Kōbō Daishi in Popular Lore (A.D. 774–835). *Asian Folklore Studies*. Vol. 18, pp. 95–144.

Como M.I. (2008) *Shotoku: Ethnicity, Ritual, and Violence in the Japanese Buddhist Tradition*. Oxford: Oxford University Press.

Dykstra Y. (Trans.) (2015) *Buddhist Tales of India, China, and Japan: A Complete Translation of the Konjaku monogatari shū*. Vols. 1–3. Honolulu: Kanji Press.

Fesiun A.G. (Trans.) (1999) *Kūkai Selected Works* (Russian translation: Moscow: Serebrianye niti).

Groner P. (1984) *Saichō: The Establishment of the Japanese Tendai School*. Berkeley: Center for South and Southeast Asian Studies, University of California.

Hakeda Y.S. (1972) *Kūkai: Major Works Translated, with an Account of His Life and a Study of His Thought*. New York: Columbia University Press.

Ignatovich A.N. (1987) *Buddhism in Japan. An Outline of Early History*. Moscow: Nauka (in Russian).

Jullien F. (1995) *Le détour et l'accès : stratégies du sens en Chine, en Grèce* (Russian translation: Moscow: Moscow Philosophical Foundation, 2001).

Konno, Tōru et al. (Eds.) (1993–1999) *Konjaku monogatari shū*. Tokyo: Iwanami (Shin Nihon koten bungaku taikai series, Vol. 33–37) (in Japanese).

Lysenko V.G. (2011) “Upāya kauśalya.” In: Stepaniants M.T. (ed.) *Buddhist Philosophy: Encyclopedia* (pp. 721–724). Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (1988) *Heroes, Creators and Custodians of Japanese Old Times*. Moscow: Nauka (in Russian).

Nakagawa S. (Ed.) (2014–2018) *Konjaku monogatari shū*. Available at: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese).

Rodin S.A. (2014) The Relationship between Personality and State in Ancient Japan (Based on *Shoku Nihongi* Biographies). *Voprosy Filosofii*. 2014. No. 2, pp. 63–73 (in Russian).

Sviridov G.G. (1981) *Japanese Medieval Setsuwa Prose: Structure and Image*. Moscow: Nauka (in Russian).

Trubnikova N.N. (2006) The Teaching on Bodhisattva Precepts in Japanese Tendai Buddhism. *Voprosy Filosofii*. 2006. No. 8, pp. 128–147 (in Russian).

Trubnikova N.N. (2007) *Sangyō gishō* and the Beginning of Buddhist Philosophy in Japan. *Voprosy Filosofii*. 2007. No. 8, pp. 106–117 (in Russian).

Trubnikova N.N., Babkova M.V. (2014) *Japanese Religious Philosophy in the 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya (in Russian).

Trubnikova N.N. (Trans.) (2005) *Kūkai Sangō shiki*. Moscow: S.A. Savin (in Russian).